

*Развод. Мистыми
ногами по новой земле*

Данна Леднива

Данна Леднива

Развод. Чистыми ногами по новой земле

<https://litres.ru/74239488>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она прошла через грязь и боль. Теперь она ступает на новую землю. Свободная. Чистая. Своя.

Анна. 44 года. Партнёр. Мать. Женщина, которая научилась выбирать.

Олег счастлив. Кирилл взрослеет. Максим любит. Всё, что она хотела — у неё есть. Но впереди последний выбор: отпустить или удержать. Довериться или контролировать.

Новогодняя ночь. Все за одним столом. Бывшие мужья и жёны, новые любви, взрослеющие дети. Они не семья. Они — люди, которые прошли через ад и вышли чистыми.

«Развод. Чистыми ногами по новой земле» — финал трилогии о том, как начать сначала, когда ты уже ничего не боишься.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1 Уютный ад и отец с сыном	11
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Развод. Чистыми ногами по новой земле

ПРОЛОГ

Сон начался с запаха дыма.

Я стояла в коридоре старой квартиры на Патриках. Той самой, которую выиграла по брачному договору. Той самой, которая когда-то была моим королевством. Стены были те же — бежевые обои с едва заметным узором, который я выбирала пятнадцать лет назад. Паркет под ногами скрипел так, как скрипел всегда. Но что-то было не так. Воздух был тяжёлым. Горячим. И этот запах — едкий, удушающий запах горящей бумаги.

Я знала, что должен быть пожар. Я чувствовала его. Где-то за стеной, в гостиной, что-то полыхало. Огонь пробирался по комнатам, как живое существо, жадное и неутомимое. Но я не боялась огня. Я боялась другого. Я боялась, что не найду его.

— Кирилл! — кричала я. — Кирилл, где ты?

Мой голос тонул в треске пламени. Дым заполнял коридор, становился гуще, плотнее. Я закашлялась. Закрыла лицо рукавом. Побежала дальше. Дверь в гостиную была открыта. Внутри — ад. Огонь лизал стены, пожирал мебель,

поднимался к потолку. На диване, на котором мы когда-то сидели втроём и смотрели телевизор, плясало пламя. На столе, за которым я подписывала контракты на миллионы, горели документы.

Но Кирилл не было.

— Кирилл! — кричала я снова. — Сынок, отзовись!

Тишина. Только треск огня. Только гул пламени. Только мой собственный голос, который возвращался ко мне эхом из пустых комнат.

Я побежала в его комнату. Дверь была закрыта. Я рванула ручку. Дверь поддалась. Внутри — тоже огонь. Но не такой, как в гостиной. Здесь пламя было странным. Оно не пожирало. Оно как будто танцевало. Оно играло с вещами. С его рюкзаком, который висел на стуле. С приставкой, которую мы купили вместе. С деревянной шкатулкой, которую он сделал для меня в лагере.

И с бумагами.

На полу лежали документы. Много документов. Я наклонилась, пытаюсь разобрать, что горит. Брачный договор — тот самый, который Олег подписал пьяным после армии. Тот самый, который дал мне квартиру и отнял семью. Он горел медленно, буквы расплывались, превращались в пепел. Рядом — фотографии. Наши свадебные фотографии. Те самые, которые я резала ножницами, а потом сшивала обратно нитками. Теперь они горели. Нитки плавилась. Бумага сворачивалась. Лица на фотографиях исчезали.

Я схватила их. Пыталась потушить. Била по огню руками. Но пламя не обжигало. Оно было холодным. Станным. Оно не уничтожало. Оно просто забирало. Забирало прошлое. Забирало то, чем я была. Забирало то, что я когда-то любила.

— Кирилл! — закричала я в последний раз. — Где ты?

И в этот момент я услышала его. Не голос сына. А свой собственный. Голос, который шептал откуда-то из глубины, из-под слоёв пепла и дыма.

— Его здесь нет. Его никогда здесь не было. Ты ищешь не его. Ты ищешь себя. Ту, которой больше нет.

Я проснулась.

Сердце колотилось. Рубашка прилипла к спине. На висках — холодный пот. Я лежала в темноте и не могла понять, где нахожусь. Секунду. Две. Потом мозг включился. Потом я почувствовала простыню — не ту, старую, с вышитыми вензелями, а новую, простую, хлопковую. Почувствовала запах — не дым, а что-то другое. Тёплое. Живое. Запах мужчины, который спит рядом.

Я повернула голову.

Максим спал. Его лицо было спокойным. Ресницы чуть подрагивали — наверное, ему тоже что-то снилось. Рот был чуть приоткрыт. Дыхание — ровное, глубокое. Его рука лежала на моей простыне, рядом с моей рукой. Не касалась. Просто была рядом.

Я смотрела на него. И впервые за все месяцы, что мы бы-

ли вместе, я увидела не молодого любовника. Не мужчину, который моложе меня на пятнадцать лет. Не того, с кем я боялась быть уязвимой. Не того, кого я когда-то оттолкнула на набережной после «Чайки».

Я увидела спутника.

Человека, который прошёл со мной через страх близости. Через мои сомнения. Через мой возраст. Через мои страхи. Через мои раны. Человека, который не испугался моей седины. Не испугался моих морщин. Не испугался моего прошлого. Человека, который остался.

Я посмотрела на его руку. На его пальцы. Длинные. Тонкие. Пальцы математика. Пальцы человека, который умеет видеть то, чего не видят другие. Пальцы, которые когда-то протянули мне джойстик и научили играть в приставку. Пальцы, которые однажды возьмут мои руки и поведут меня к алтарю. Если я позволю. Если мы оба будем к этому готовы.

Я лежала и смотрела на него. И думала о том, как далеко мы ушли. Год назад я сидела в своей студии одна. Год назад я боялась потерять всё. Квартиру. Сына. Репутацию. Имя. Деньги. Статус. Год назад я была железобетонной конструкцией, которая трещала по швам, но продолжала стоять. Год назад я думала, что если потеряю хоть что-то из этого — не выживу.

А сейчас? Сейчас я лежала в двадцати восьми квадратных метрах, которые когда-то казались мне тюрьмой. А теперь

стали домом. Рядом со мной спал мужчина, которого я полюбила не за то, кем он был, а за то, кем он был для меня. В соседней комнате, в комнате, которую мы сделали для него, спал мой сын — живой, здоровый, нашедший себя. Впереди был новый день. Новый бизнес. Новая жизнь.

И я поняла одну вещь. Простую. Ясную. Страшную.

Я больше не боялась потерять всё. Я потеряла всё. И выжила. Я потеряла брак. Потеряла иллюзии. Потеряла статус. Потеряла репутацию. Потеряла даже ту квартиру на Патриках, которая горела в моём сне. И знаете что? Я не умерла. Я стала живой.

Но появился новый страх. Другой. Не тот, который был раньше. Не страх потери внешнего. А страх потери внутреннего. Страх, что я снова стану той, кем была. Той, которая контролирует. Той, которая не слышит. Той, которая превращает людей в функции. Той, которая забывает, что она сама — человек.

Я посмотрела на Максима. На его спокойное лицо. На его руку рядом с моей. И подумала: «Год назад я боялась потерять всё. Сейчас я боюсь только одного — потерять себя ВНОВЬ».

Это был другой страх. Зрелый. Осознанный. Не панический. Не парализующий. А тот, который держит в тонусе. Который не даёт расслабиться. Который напоминает, что путь к себе — это не маршрут, который можно пройти один раз и забыть. Это путь, который нужно проходить каждый день.

Каждое утро. Каждое решение.

Я осторожно, чтобы не разбудить Максима, протянула руку. Коснулась его пальцев. Он вздрогнул во сне. Улыбнулся. И его пальцы сомкнулись вокруг моих. Даже в сне он знал, что я рядом. Даже в сне он не отпускал.

Я лежала и смотрела в потолок. В потолок моей маленькой студии. На ту самую лепнину, которая когда-то казалась мне уродливой. А теперь казалась родной. За окном начинало светать. Первые лучи солнца пробивались сквозь шторы. Падал на пол золотыми полосками.

Где-то далеко гудел город. Просыпался. Жил. И я тоже просыпалась. Жила. Дышала.

Я закрыла глаза. Не для того, чтобы уснуть. А для того, чтобы запомнить этот момент. Момент между сном и явью. Между прошлым и будущим. Между страхом и любовью. Момент, в котором я была собой. Просто Анной. Той, которая прошла через огонь. Которая не сгорела. Которая научилась не бояться пламени.

Потому что огонь — это не всегда разрушение. Иногда огонь — это то, что очищает. То, что оставляет только настоящее. То, что показывает, кто ты есть на самом деле.

Я открыла глаза. Посмотрела на Максима. Он всё ещё спал. Но его рука крепче сжимала мою. Как будто он чувствовал, что я смотрю. Как будто он знал, что я думаю. Как будто он был со мной не только в реальности, но и в мыслях.

— Доброе утро, — прошептала я.

Он не услышал. Но я сказала это не для него. Я сказала это для себя. Для нового дня. Для новой главы. Для новой книги, которая начиналась.

Впереди было много всего. Я знала это. Я чувствовала это. Но я также знала другое. Я была готова. Не потому что была сильной. А потому что была живой. Потому что была собой. Потому что рядом был он. Потому что в соседней комнате спал мой сын. Потому что впереди был день, который я могла прожить так, как хотела.

Я встала. Тихо. Осторожно. Выскользнула из-под одеяла. Вышла на кухню. Заварила чай. Не кофе. Чай. Чёрный. Без сахара. Тот самый, который стал моим ритуалом. Села у окна. Посмотрела на берёзу, которая стояла во дворе. На её листья, которые начинали желтеть. На осень, которая приходила.

И впервые за долгое время я подумала не о том, что было. Не о том, что могло бы быть. А о том, что есть. О том, что я жива. Что я здесь. Что я дышу. Что я люблю и любима. Что я нашла себя. И что теперь главное — не потерять это. Не потерять себя. Снова.

Я сделала глоток чая. Горячий. Горький. Настоящий. И улыбнулась.

ГЛАВА 1 Уютный ад и отец с сыном

Октябрь в Москве выдался тёплым. Таким, каким он бывает раз в несколько лет, когда осень не хочет уступать место зиме, когда листья на деревьях ещё держатся, когда воздух пахнет не сыростью, а прелой листвой и последним теплом. Я проснулась в семь утра, как всегда, и лежала, слушая, как за окном просыпается город.

Рядом спал Максим. Его дыхание было ровным, глубоким. Его рука лежала на моей простыне, рядом с моей рукой. Мы жили вместе уже четыре месяца. Четыре месяца, за которые я научилась просыпаться не одна. Четыре месяца, за которые я научилась делить ванную, кухню, постель. Четыре месяца, за которые я научилась быть не одной.

Я встала тихо, чтобы не разбудить его. Пошла на кухню. Включила свет. Посмотрела в окно. На берёзу, которая всё ещё держала последние жёлтые листья. На двор, который просыпался. На жизнь, которая продолжалась.

Через десять минут на кухне появился Максим. В пижамных штанах, в футболке, с растрёпанными волосами. Он подошёл ко мне сзади, обнял, поцеловал в макушку.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Что на завтрак?

— Не знаю. Что хочешь.

— Яичницу?

— Давай.

Он начал готовить. Я села за стол. Открыла ноутбук. Начала читать новости. Это было наше обычное утро. Обычное, тёплое, уютное. То, о котором я мечтала двадцать лет. То, чего у меня не было с Олегом. То, что я наконец нашла.

И всё было хорошо. По-настоящему хорошо. Наше консалтинговое агентство процветало. Клиенты приходили. Проекты были интересными. Деньги — стабильными. Максим стал отличным генеральным директором. Я — хорошим стратегом. Мы работали вместе, но не мешали друг другу. Мы были партнёрами. Равными. Свободными.

Но в груди что-то было. Что-то, что я не могла понять. Что-то, что сидело там, как камень. Как заноза. Как то, от чего не избавиться, пока не вытащишь.

Я смотрела на Максима, который стоял у плиты и жарил яичницу. На его спину. На его руки. На то, как он двигается. И думала о том, что я счастлива. Что я действительно счастлива. Что это не сон. Что это реальность. Что это то, чего я заслужила.

Но камень в груди не уходил.

— Ты в порядке? — спросил Максим, не оборачиваясь.

— Да. Просто думаю.

— О чём?

— Ни о чём. Просто думаю.

Он поставил передо мной тарелку. Сел напротив. Начал есть. Я тоже начала есть. Мы молчали. Но это было не то молчание, которое было раньше. Не то, которое было тяжёлым. А другое. Тёплое. Спокойное. Молчание двух людей, которые знают друг друга. Которые понимают друг друга. Которые любят друг друга.

— Анна, — сказал он вдруг.

— Да?

— Я хочу предложить тебе кое-что.

Я посмотрела на него. Увидела в его глазах что-то новое. Что-то похожее на волнение. На то чувство, которое бывает, когда человек хочет сделать сюрприз. Когда он боится, что его не поймут. Когда он надеется, что его примут.

— Что?

— Давай съездим куда-нибудь на Новый год. В отпуск. На неделю. Две. Куда хочешь. Хоть в горы. Хоть к морю. Хоть в Европу. Хоть в Азию. Просто чтобы мы отдохнули. Чтобы мы были вдвоём. Чтобы мы расслабились.

Я посмотрела на него. И внутри меня что-то включилось. То самое, что включалось всегда, когда речь заходила о планировании. То самое, что делало меня Анной Сергеевной, замдиректора департамента. То самое, что я думала, что победила. То самое, что возвращалось, когда я меньше всего этого ожидала.

— Хорошо, — сказала я. — Давай подумаем. Если в горы

— то нужно смотреть билеты заранее. Если в Европу — то нужно оформить визы. Если в Азию — то нужно проверить погоду, потому что в декабре там может быть сезон дождей. Я посмотрю варианты. Составлю таблицу. Сравню цены. Выберу оптимальный маршрут.

Я говорила быстро. Уверенно. Как человек, который контролирует ситуацию. Как человек, который знает, что делать. Как человек, который не умеет расслабляться.

Максим смотрел на меня. Молча. И я видела, как в его глазах появляется что-то, чего я не хотела видеть. Что-то похожее на усталость. На то чувство, которое бывает, когда человек понимает, что он снова столкнулся со стеной. Со стеной, которую он не может пробить. Со стеной, которую я построила двадцать лет назад.

— Анна, — сказал он тихо.

— Да?

— Я не прошу тебя составить таблицу. Я не прошу тебя сравнить цены. Я не прошу тебя выбрать оптимальный маршрут.

Я замолчала. Посмотрела на него. Увидела в его глазах не злость. Не обиду. А что-то другое. Что-то похожее на грусть. На то чувство, которое бывает, когда человек понимает, что его не слышат. Что его не понимают. Что его не видят.

— Я просто хочу, чтобы мы расслабились, — сказал он. — Чтобы мы поехали куда-нибудь. Без плана. Без таблицы. Без оптимального маршрута. Чтобы мы просто были. Вме-

сте. И чтобы нам было хорошо. Не идеально. Не оптимально. А просто хорошо.

Я смотрела на него. И понимала, что он прав. Понимала, что я снова сделала то, от чего хотела уйти. Понимала, что я снова включила режим контролёра. Понимала, что я снова превратила его предложение в проект. В задачу. В то, что нужно было оптимизировать.

Но я не могла остановиться. Не могла сказать: хорошо, давай без плана. Не могла сказать: давай просто поедем. Не могла сказать: я доверяю тебе. Потому что я не умела доверять. Потому что я двадцать лет контролировала всё. Потому что я не знала, как расслабиться. Как отпустить. Как просто быть.

— Хорошо, — сказала я. — Я поняла. Давай без плана.

— Ты не поняла, — он вздохнул. — Ты просто сделала вид, что поняла. Ты снова контролируешь. Ты снова планируешь. Ты снова не слышишь меня.

Я посмотрела на него. Увидела в его глазах правду. Увидела, что он прав. Увидела, что я снова сделала то, от чего хотела уйти. И я не знала, что сказать. Не знала, как исправить. Не знала, как показать, что я действительно слышу. Что я действительно понимаю. Что я действительно хочу расслабиться.

— Прости, — сказала я тихо. — Я не хотела.

— Я знаю, — он взял мою руку. — Я не обвиняю тебя. Я просто хочу, чтобы ты поняла. Чтобы ты услышала. Чтобы

ты не делала вид, что всё хорошо, когда всё не хорошо.

Я кивнула. Не знала, что сказать. Просто сидела и смотрела на него. На его руку на моей. На его глаза, которые смотрели на меня с любовью. С пониманием. С терпением.

Мы доели завтрак. Молча. Убрали со стола. Я пошла в ванную. Посмотрела в зеркало. Увидела женщину, которую почти не знала. Увидела женщину с седыми висками. С морщинами вокруг глаз. С лицом, которое постарело. Но которое было живым. Которое было настоящим. Которое было моим.

И я подумала о том, что камень в груди не уходил. Что он был там. Что он сидел там, как заноза. Как то, от чего не избавиться. Как то, что нужно было вытащить. Но я не знала, как. Не знала, что делать. Не знала, как расслабиться. Как отпустить. Как просто быть.

Кирилл проснулся в восемь утра. Не от будильника. А от того, что кто-то стучал в дверь. Он открыл глаза. Посмотрел на потолок. На трещину, которая шла от угла к люстре. На жёлтое пятно, которое проступало сквозь побелку. На потолок своей новой комнаты. Комнаты, в которой он жил уже четыре месяца. Комнаты, в которой он жил с отцом.

Он встал. Надел джинсы. Футболку. Вышел в коридор. На кухне стоял отец. Готовил завтрак. Как всегда. Как каждое утро. Как человек, который нашёл себя. Как человек, который стал другим.

— Доброе утро, — сказал Кирилл.

— Доброе, — отец повернулся. — Как спал?

— Нормально.

— Что на завтрак?

— Не знаю. Что хочешь.

— Яичницу?

— Давай.

Кирилл сел за стол. Открыл телефон. Начал листать ленту. Отец поставил перед ним тарелку. Сел напротив. Начал есть. Кирилл тоже начал есть. Они молчали. Но это было не то молчание, которое было раньше. Не то, которое было холодным. Не то, которое было тяжёлым. А другое. Тёплое. Спокойное. Молчание двух людей, которые знают друг друга. Которые понимают друг друга. Которые любят друг друга.

— Как в школе? — спросил отец.

Кирилл замер. Посмотрел на отца. Увидел в его глазах не подозрение. Не контроль. А обычный интерес. Интерес отца, который хочет знать, как дела у сына. Интерес, который не давит. Не требует. Не контролирует.

— Нормально, — сказал Кирилл.

— Только нормально?

— Ну, хорошо.

— А уроки?

Кирилл опустил глаза. Посмотрел на свою тарелку. На яичницу, которая уже остывала. На свою руку, которая держала вилку. И почувствовал, как внутри поднимается знако-

мое чувство. Чувство вины. Чувство стыда. Чувство, которое он знал слишком хорошо.

— Пап, — сказал он тихо.

— Да?

— Я получил двойку.

Он ждал. Ждал крика. Ждал злости. Ждал того, что отец начнёт читать ему нотации. Что начнёт спрашивать, почему. Что начнёт требовать объяснений. Что начнёт контролировать. Что начнёт быть тем, кем был раньше. Тем, кем были все взрослые в его жизни. Тем, кем была мама.

Но отец не крикнул. Не начал читать нотации. Не начал требовать объяснений. Он просто посмотрел на него. Долго. Молча. И потом сказал.

— По какому предмету?

— По физике.

— Понятно.

Отец встал. Пошёл в комнату. Вернулся с дневником. Сел рядом. Открыл дневник. Посмотрел на двойку. Посмотрел на Кирилла. И Кирилл увидел в его глазах не злость. Не обиду. А что-то другое. Что-то похожее на понимание. На то чувство, которое бывает, когда человек помнит, каким он был в этом возрасте. Когда он помнит, как ему было трудно. Когда он помнит, что он тоже не понимал.

— Я в твоём возрасте тоже не понимал сопромат, — сказал отец. — Мне было так же трудно, как тебе сейчас. Я тоже получал двойки. Я тоже не хотел учиться. Я тоже думал, что

это всё бессмысленно.

Кирилл посмотрел на него. Удивился. Не ожидал. Не верил. Не ожидал, что отец признается в этом. Не ожидал, что отец скажет, что он тоже был таким. Не ожидал, что отец не будет читать ему нотации. Не будет требовать. Не будет контролировать.

— Правда? — спросил Кирилл.

— Правда, — отец улыбнулся. — Я был таким же, как ты. Таким же трудным. Таким же непонятым. Таким же ленивым. Но я вырос. И я понял, что физика — это не просто предмет. Это способ думать. Это способ понимать мир. Это способ видеть то, чего не видят другие.

Кирилл смотрел на него. И видел перед собой не того отца, который ушёл из семьи. Не того отца, который предал. Не того отца, который был тенью. А другого отца. Того, которого он нашёл этим летом. Того, который был настоящим. Того, который был живым. Того, который был отцом.

— Давай разберём задачи вместе, — сказал отец. — Посолдатски. Без истерик. Без криков. Без нотаций. Просто ты и я. И физика.

Кирилл посмотрел на него. И почувствовал, как внутри что-то сдвигается. Как что-то, что было зажато годами, наконец освобождается. Как что-то, что он носил в себе как тяжёлый груз, наконец падает. Как он впервые за долгое время почувствовал, что хочет учиться. Не потому что должен. Не потому что его заставляют. А потому что хочет. Потому что

хочет быть лучше. Потому что хочет быть таким, как отец. Потому что хочет доказать, что он не маменькин сынок. Что он не неудачник. Что он — Кирилл. Просто Кирилл.

— Хорошо, — сказал он. — Давай.

Отец улыбнулся. Встал. Принёс учебник. Сел рядом. И они начали разбирать задачи. Вместе. По-солдатски. Без истерик. Без криков. Без нотаций. Просто отец и сын. И физика.

В школе было плохо.

Кирилл знал это с утра. Почувствовал, когда вошёл в класс. Почувствовал, когда сел за парту. Почувствовал, когда одноклассники начали смотреть на него. Не так, как раньше. Не с интересом. Не с дружелюбием. А с насмешкой. С вызовом. С тем самым чувством, которое бывает, когда человек нашёл жертву. Когда человек нашёл того, над кем можно смеяться.

— Смотри, кто пришёл, — услышал он голос Дениса. — Маменькин сынок.

Кирилл опустил глаза. Посмотрел на свою парту. На свои руки. На свою тетрадь. И почувствовал, как внутри поднимается знакомое чувство. Чувство стыда. Чувство вины. Чувство, которое он знал слишком хорошо.

— Что ты сказал? — спросил он тихо.

— Я сказал, что ты маменькин сынок, — Денис усмехнулся. — Который теперь живёт с папой-неудачником. С тем

самым, который ушёл от мамы. Который разрушил семью. Который предал.

Кирилл поднял глаза. Посмотрел на Дениса. Увидел в его глазах насмешку. Увидел вызов. Увидел то самое чувство, которое бывает, когда человек хочет унижить. Когда человек хочет сделать больно. Когда человек хочет показать, кто здесь главный.

— Мой отец — не неудачник, — сказал Кирилл. — Он лучший.

— Лучший? — Денис рассмеялся. — Лучший неудачник, может быть. Тот, который не смог сохранить семью. Тот, который изменил жене. Тот, который бросил сына.

Кирилл встал. Сжал кулаки. Почувствовал, как внутри поднимается злость. Злость, которую он не мог контролировать. Злость, которая была сильнее его. Злость, которая делала его тем, кем он не хотел быть.

— Заткнись, — сказал он.

— А то что? — Денис встал тоже. — Ты меня ударишь? Как в прошлый раз? Как маменькин сынок, который не умеет драться?

Кирилл не помнил, как это произошло. Не помнил, как он подошёл к Денису. Не помнил, как замахнулся. Не помнил, как ударил. Помнил только, как Денис упал. Как из его носа пошла кровь. Как одноклассники закричали. Как учительница вбежала в класс. Как его схватили. Как его повели к директору.

Он сидел в кабинете директора и смотрел в пол. Слушал, как директор говорит. Как говорит о том, что он сделал не так. О том, что он должен понять. О том, что он должен исправить. О том, что его могут исключить. О том, что его мать будет вызвана. О том, что его отец будет вызван.

И Кирилл думал о том, что он не хочет, чтобы отец пришёл. Не хочет, чтобы отец увидел его таким. Не хочет, чтобы отец увидел, что он не справился. Что он не смог. Что он снова ударил. Что он снова не сдержался. Что он снова стал тем, кем не хотел быть.

Но отец пришёл.

Кирилл увидел его в дверях. Увидел, как он вошёл. Увидел, как он сел рядом. Увидел, как он посмотрел на него. Не со злостью. Не с обидой. А с пониманием. С тем самым пониманием, которое Кирилл видел утром, на кухне, когда отец не кричал. Когда отец не читал нотации. Когда отец просто был рядом.

— Что случилось? — спросил отец тихо.

— Он обозвал тебя, — сказал Кирилл. — Обозвал неудачником. Я не сдержался.

Отец посмотрел на него. Долго. Молча. И потом сказал.

— Я понимаю.

— Понимаешь? — Кирилл посмотрел на него. — Но я же ударил его. Я же нарушил правила. Я же сделал плохо.

— Ты защитил меня, — сказал отец. — Это не оправдание. Это не значит, что ты должен был ударить. Это значит,

что я понимаю, почему ты это сделал.

Кирилл смотрел на него. И чувствовал, как внутри что-то сдвигается. Как что-то, что было зажато годами, наконец освобождается. Как что-то, что он носил в себе как тяжёлый груз, наконец падает. Как он впервые за долгое время почувствовал, что его понимают. Что его видят. Что его любят. Несмотря ни на что.

— Но ты не должен был, — продолжил отец. — Ты должен был уйти. Ты должен был сказать учителю. Ты должен был сделать что-то другое. Но не ударить. Потому что удар — это не решение. Это проблема. Это то, что делает тебя таким, как они.

Кирилл опустил глаза. Посмотрел на свои руки. На свои кулаки. На свои пальцы, которые всё ещё сжаты. И понял, что отец прав. Понял, что он не должен был ударить. Понял, что он сделал плохо. Понял, что он должен был сделать по-другому.

— Прости, — сказал он тихо.

— Не мне нужно прощение, — сказал отец. — Ему. И себе. И маме. И всем, кто пострадал из-за тебя.

Кирилл кивнул. Не знал, что сказать. Просто сидел и смотрел на отца. На его руки. На его лицо. На его глаза, которые смотрели на него с любовью. С пониманием. С терпением.

И в этот момент он понял одну вещь. Простую. Ясную. Страшную. Он больше не был брошенным ребёнком. Он

больше не был маменькиным сынком. Он больше не был тем, кем его делали другие. Он был Кириллом. Просто Кириллом. Тем, который учился. Тем, который ошибался. Тем, который рос. Тем, который был сыном своего отца.

И это было самое важное. Самое ценное. Самое дорогое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.